

УДК 327.82:008 + 327(5)

Д. М. Ковба
А. С. Исаков

«МЯГКАЯ СИЛА»: РЕЦЕПЦИЯ КОНЦЕПТА АЗИАТСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ

В статье рассматриваются особенности освоения концепта и стратегий «мягкой силы» азиатскими государствами (Китаем, Японией, Ираном и Турцией). Авторами выявляется, что наибольшее внимание концепту уделяется в Китае, тогда как в странах мусульманской ойкумены не произошло официального закрепления «мягкой силы» в виде формализованных стратегий. Если в Турции существует аналог «мягкой силы» — «невидимая сила», то в Иране подобные концепты не встречаются в дискурсе. Делается вывод о том, что в исследуемых государствах национальные стратегии выстраиваются по аналогии с западным опытом. Особое внимание уделяется развитию культурных ресурсов и инструментов «мягкой силы».

Ключевые слова: «мягкая сила», культурная дипломатия, азиатские государства, Китай, Япония, Иран, Турция.

Быстроменяющаяся геополитическая картина мира ставит перед государствами проблему поиска новых форм адекватного реагирования на возникающие угрозы и вызовы, а также задачу увеличения своего влияния на международной арене. На первый план выходит необходимость переосмысления понятий власти и властных отношений. В академической среде не утихают дискуссии о том, какой тип власти — «жесткий» или «мягкий» — сегодня использовать наиболее предпочтительно.

Концепт «мягкая сила», появившийся в 1990 г. [19], был встречен исследователями по-разному: одни приняли его в варианте, данном его автором Дж. Наем («способность достигать желаемого посредством притяжения, а не принуждения или платежей» [20, X]), другие стремились сформулировать свое определение, адаптировать его под нужды определенного государства, третьи подвергали его жесткой критике. В ходе развития научной дискуссии вокруг понятий силы и власти (power) можно отследить академическую моду как на использование самого термина «мягкая сила», так и на утверждение необходимости применения «мягких» или «жестких» стратегий в мировой политике. Например, в Китае до 2000 г. вышло всего 11 статей по данной теме, с 2001 по 2004 гг. — уже 58, а с середины 2000-х — более 6000 [15, 7]. Резкий скачок связан с провозглашением политического курса государства на построение «мягкой силы» с китайской спецификой. В нашей стране активному использованию термина в СМИ способствовало его упоминание высшими должностными лицами (например, статья В. В. Путина «Россия и меняющийся мир» [7]). В США популяризацией концепта активно занимался сам Дж. Най.

Приверженцы «мягких инструментов» полагают, что изменение глобальной системы создало «туманное пространство власти» (hazy power space), требующее

тщательной разработки новых подходов к власти [14, 11]. Они утверждают, что сегодняшний интерес к неолиберализму и конструктивизму не случаен: данные парадигмы отражают изменяющийся характер мировой политики. Рост значимости «мягкой силы», по их мнению, обусловлен использованием следующих факторов: 1) взаимозависимостью национальных экономик, приведшей к смене приоритета с принуждения на сотрудничество; 2) увеличением затрат при использовании силы, особенно среди ядерных держав; 3) утверждением, по крайней мере на Западе, «процветающего общества», членом которого не увлекает «этика войны»; 4) развитием гражданского самосознания и сетевого сотрудничества [Там же, 26].

«Мягкая сила» проистекает из двух основных источников:

1) международного источника (уважение к соблюдению международных норм, соблюдение договоров и обязательств, стремление к многосторонности в политике и избегание одностороннего подхода, внесение вклада в общее дело, политика открытости экономики);

2) внутреннего источника, складывающегося из «культурной силы» и политических институтов (развитая культура, высокое качество жизни, гражданские свободы, либерализм, плюрализм, демократия и др.) [Там же, 18].

В то же время некоторые исследователи полагают, что либеральное общество не является необходимым условием для формирования «культурной силы». В качестве примера они приводят Саудовскую Аравию — центр мусульманского и арабского мира, имеющий большое международное влияние. Кроме того, они отмечают, что развитие либерально-демократических ценностей — это достаточное, но не необходимое условие для развития «мягкой силы». Так, Сингапур, не являясь «маяком либерализма», вызывает восхищение своей стабильной и хорошо функционирующей системой управления [Там же].

Таким образом, признается, что возможна успешная рецепция концепта и стратегий «мягкой силы» странами, не принадлежащими к западному миру. Перейдем к рассмотрению интерпретаций теории и стратегий «мягкой силы» различными азиатскими государствами.

В КНР термин «мягкая сила» прочно вошел в академический и политический дискурсы. Можно выделить несколько подходов к исследуемому концепту в трудах китайских ученых. В рамках структурного подхода исследователи выделяют источники «мягкой силы» и формируют ее модели. Например, выделяются такие источники, как многосторонняя дипломатия, культурная дипломатия, программы внешней помощи. Другой вариант источников «мягкой силы» включает ассимилирующую силу (культурные ценности, идеология), институциональную силу (создание международных институтов, установление повестки дня интернациональных форумов и организаций), идентифицирующую силу (влияние страны на другие государства посредством признания ее ведущей роли) [17]. Ресурсный подход предлагает определение характера силы через ресурсы: власть считается «мягкой», если используются мягкие, нематериальные ресурсы, и «жесткой», если используются материальные ресурсы, принуждение [16]. Китайские исследователи, придерживающиеся критического подхода, считают, что КНР уже давно «колонизирована» западными идеями. Ученые используют западную

эпистемологию, заимствуют элементы чужих дискурсов. В то же время цивилизация не может стать могущественной без построения собственной системы знаний, поэтому предлагается ослабление правительственного контроля над наукой и ее стимуляция [21]. Еще более скептически настроенные авторы полагают, что «мягкая сила» — чисто американская концепция, которая была некорректно интерпретирована китайскими исследователями. Вместо нее лучше использовать китайскую концепцию «соглашательства» («huaiyou») — древнекитайскую стратегию управления, означающую умиротворение и завоевание иностранной аудитории посредством торговых отношений [Там же].

Любопытно, что в Китае и некоторых других азиатских странах (например, в Казахстане) считается возможным использование «мягкой силы» для решения не только международных, но и внутренних проблем. Стратегия «мягкой силы» должна «создавать консолидирующую идею, своего рода осевой фактор развития» [3].

Практическая реализация стратегии «мягкой силы» в Китае включает проекты, диверсифицированные по различным регионам и странам: культурные и научно-образовательные инициативы (например, в рамках Института Конфуция), спортивные мероприятия, активное использование СМИ, развитие местных брендов, создание «мозговых центров», экологические проекты. Интересно, что инвестиционная деятельность, часто относимая исследователями к «жесткой силе», в КНР считается «мягкой». Расходы Китая на «мягкую власть» в последнее десятилетие достигли 10 млрд долларов в год [22]. Это больше, чем совокупные государственные расходы Великобритании, США, Германии, Франции и Японии на «мягкую силу». При этом нельзя сказать, что все «мягкие» инициативы Китая находят позитивный отклик. Влияние КНР ослабляют следующие факторы [8, 31]:

- 1) экономические (торговое сальдо стран–партнеров Юго-Восточной Азии с Китаем складывается не в пользу первых);
- 2) плохая экологическая репутация;
- 3) риски культурной экспансии, непрезентабельный имидж китайских туристов;
- 4) нерешенные территориальные споры с государствами-соседями;
- 5) нарушение прав человека.

В одной из последних статей Дж. Ная [6] говорится о том, что Китай полагается на «острую силу» («sharp power») в противовес «мягкой силе». «Острая сила» помогает авторитарным режимам контролировать поведение граждан внутри страны и манипулировать мнением за рубежом. «Острая сила» — это тип «жесткой силы», связанный с манипулированием информацией. Правдивость и открытость создают разделительную линию между «мягкой» и «острой» силами при реализации общественной дипломатии. Китай может увеличить «мягкую силу», если ослабит жесткий партийный контроль над гражданским обществом.

В Японии, как и в Китае, термин «мягкая сила» активно используется исследователями, политиками и журналистами. Необходимость обращения к «мягким» стратегиям возникла у данного государства после окончания Второй мировой войны: стояла задача изменения «милитаристского» имиджа на более мирный.

По мнению Дж. Ная, сегодня Япония обладает большим потенциалом «мягкой силы», чем прочие азиатские государства, так как это первая страна, которая провела успешную модернизацию наравне с Западом [20, 85].

В настоящее время стратегии «мягкой силы» Японии ориентированы в основном на интересы местного бизнеса. Авторы выделяют два направления действия: первое нацелено на высокоразвитые страны с большим ресурсным потенциалом и развитыми рынками (Соединенные Штаты, Италия, Южная Корея, Франция, Бразилия и др.), второе — на развивающиеся страны. Если в первом случае ставится задача продвижения интересов японского бизнеса, то во втором — демонстрация экономической привлекательности общества и государства [4, 192].

Лозунг «Cool Japan» («Крутая Япония»), предложенный американским журналистом Дугласом МакГреем [18], стал инструментом увеличения «мягкой силы» страны. Национальные бренды, умение их продвигать и порождать увеличивают привлекательность Японии на международной арене. Этот лозунг особенно популярен у молодежной аудитории. Сегодня предлагаются следующие мероприятия в рамках стратегии «Cool Japan»:

- 1) соединение множества существующих инициатив в одну стратегию;
- 2) налаживание контактов между правительственными структурами и частным сектором;
- 3) создание Центра человеческих ресурсов и привлечение творческих людей со всего мира;
- 4) популяризация японских достопримечательностей (в том числе региональных), их реорганизация с точки зрения повышения привлекательности в глазах иностранцев [12].

На институциональном уровне поддержкой стратегий «мягкой силы» занимается Министерство иностранных дел, которое способствует продвижению японской культуры и языка при содействии Японского фонда. Менее известными проводниками «мягкой силы» являются японские центры, которые были созданы в странах с переходной экономикой — Вьетнаме, Камбодже, Казахстане, Узбекистане и др. Среди услуг этих центров значатся бизнес-курсы, обучение языку, а также программы, нацеленные на улучшение взаимопонимания и доверия [4, 195].

Наибольшей спецификой в понимании и использовании «мягкой силы» в пространстве Азиатского региона обладают страны мусульманской ойкумены. Данная группа стран имеет наименьший уровень секуляризации, что позволяет религии оказывать значимое влияние на все сферы функционирования общества, в том числе и на формирование национальных стратегий «мягкого» воздействия. В отличие от большинства иных стран региона большая часть исламских государств находилась либо в прямой колониальной зависимости, либо была объектом прямой экспансии со стороны стран Запада, поэтому для них характерно выстраивание национальных моделей «мягкой силы» по европейскому образцу. С другой стороны, влияние внутренней политики и конфронтационных отношений со странами Запада приводят к необходимости создания собственных аутентичных моделей.

В данных моделях не представляется возможным четкая делимитация «мягкой» и «жесткой» силы. Кроме того, различия в восприятии мировой политики

между жителями Запада и Востока подразумевают, что ряд шагов, воспринимаемых в западных странах как однозначно «жесткие», могут не восприниматься таковыми в исламских странах. Вместе с тем отметим, что вопрос о невозможности четкой делимитации двух данных сфер уже неоднократно поднимался в отечественной науке [10]. В отличие от стран Запада использование «мягкой силы» в странах исламского Востока носит ситуативный характер и нацелено на получение перманентных политических выгод. Из этого следует основная особенность — отсутствие официального закрепления «мягкой силы» в виде формализованной стратегии в правительственных документах.

Наиболее значимым потенциалом «мягкой силы» в мусульманском мире обладают Турция и Исламская Республика Иран. «Мягкая сила» Турецкой Республики исторически восходит к реформам Мустафы Кемалю в первой половине XX в., когда монархическое традиционалистское государство Османская империя было преобразовано в республику европейского типа. Данный вектор был подтвержден в дальнейшем: курс на евроинтеграцию и реформы Тургута Озала (1983–1989), направленные на унификацию правовой и политической системы страны с нормами Европейского союза.

Подход к «мягкой силе» изменился с приходом к власти умеренно-исламистской Партии справедливости и развития во главе с ее лидером Реждепом Тайипом Эрдоганом. Его политический курс отходит от национализма и пантюркизма в угоду исламской ориентации, а на волне роста евроскептицизма демократический имидж изменяется на образ эффективной автократии, обосновываемый принципом «баланса между безопасностью и демократией» [11]. Турецкие исследователи рассматривают данные процессы как попытку синтеза турецкого национализма и исламского традиционализма [23], базой для которого выступает формирование новой стратегии «мягкой силы».

Неформальным идеологом «мягкой силы» Турецкой Республики является бывший глава правительства и бывший министр иностранных дел профессор Ахмет Давутоглу. Выдвинутая им концепция «невидимой силы» показывает возможность достижения внешнеполитических успехов за счет гуманитарного и дипломатического воздействия [13]. Данная концепция является национальным вариантом рецепции понятия «мягкая сила». Как отмечается отечественными экспертами, «концепт “мягкой силы” Анкары можно рассматривать как результат синтеза различных подходов, составляющих теоретическую базу современной внешней политики, которая постоянно расширяется и усложняется по мере разработки новых идей» [1, 70].

Можно выделить ряд направлений «мягкой силы» в современной Турции.

Во-первых, это турецкий кинематограф. Особенно это касается современных сериалов (например, «Великолепный век»), снискавших высокую популярность в мусульманских странах и на постсоветском пространстве: «Данное утверждение может быть ярко проиллюстрировано феноменом турецких сериалов, масштабная трансляция которых ведется в государствах, входящих в сферу геополитических интересов Турции, то есть на территории от Ближнего и Среднего Востока до Магриба и Балкан включительно» [2].

Во-вторых, туристический кластер. Росту привлекательности государства активно способствуют маркетинговые кампании, направленные на привлечение в страну туристов и ориентированные скорее не на рекламу конкретных курортов, а на создание благоприятного образа страны в целом. Этому активно способствуют крупные коммерческие компании, наиболее известной из которых в РФ является авиакомпания Turkish Airlines.

В-третьих, образовательные программы. Значительно увеличивает влияние и престиж турецкого образования международная сеть лицеев, ассоциированная с религиозной организацией «Хизмет» и ее лидером Фетхуллахом Гюленом. Несмотря на светский характер образования, среди «наиболее одаренных учеников велась скрытая религиозная пропаганда, их делали адептами джамаата Гюлена. Внешнеполитическая стратегия Турции на постсоветском пространстве заключалась в том, чтобы воспитать новое поколение элиты тюркских республик бывшего СССР, которое будет комплементарно относиться к Турции» [9]. Аналогичные процессы наблюдались и в других странах, особенно африканских. В последнее время эффективность данного ресурса снижается, так как лидер движения был назван Реджепом Эрдоганом основным зачинщиком попытки государственного переворота в 2016 г., правительство требует его экстрадиции из США.

В сфере высшего образования реализуются программы фонда исследования тюркского мира «Туран», в рамках которых предоставляются стипендии студентам для поступления в турецкие образовательные учреждения. Наиболее влиятельным является Босфорский университет, преподавание в котором ведется на английском языке, а сам вуз входит в Утрехтскую сеть и Ассоциацию средиземноморских университетов.

В-четвертых, культурные связи. Для популяризации культуры создана международная организация тюркской культуры (ТюрКСОЙ), возглавляемая бывшим министром культуры Казахстана Дюсеном Касеиновым. Значимое влияние оказывают отдельные культурные проекты. Например, «Тюрковидение» — турецкий аналог конкурса «Евровидение» — предоставляет площадку для выступления исполнителей из различных тюркоязычных стран и регионов.

Наиболее влиятельным инструментом культурной дипломатии является институт имени Юнуса Эмре. На его базе в различных странах создано множество центров, основная задача которых — продвижение турецкой культуры и языка. «С 2009 года было открыто 27 центров, входящих в Институт им. Юнуса Эмре по всему миру. На территории России такие центры появились в 2012 году, и пока их действовало два: один — в Москве, второй — в Казани. Примечательно, что Центр изучения Турции Института им. Юнуса Эмре, базировавшийся в Казанском федеральном университете, был открыт даже раньше, чем в столице России. После начала российско-турецкого конфликта в ноябре 2015 года оба центра были [закрыты]» [Там же].

В-пятых, политические институты и международные соглашения. Для создания каналов межгосударственного сотрудничества страна заключает двусторонние договоры, ключевыми из которых являются соглашения о стратегическом партнерстве с Казахстаном (2009) и Азербайджаном (2010). Для системной работы

была создана специальная международная организация — Парламентская ассамблея тюркоязычных стран (ТюркПА) со штаб-квартирой в Баку. Разработаны и широко освещаются новые принципы внешней политики, такие как «политика нулевых проблем» по отношению к соседям или «проактивная и преимущественно мирная дипломатия» [11].

В целом национальная стратегия «мягкой силы» современной Турции выстроена как рецепция западного опыта, переосмысленная правящей Партией справедливости и развития. Ее основное направление — политическая унификация и интеграция тюркской культуры на основе турецкой, колоссальным успехом чего стали языковые реформы в Азербайджане и Казахстане. Также Турция проявляет активный интерес к «мягкой» экспансии в арабские страны.

Совершенно иной характер носит национальная стратегия «мягкой силы» Исламской Республики Иран. Несмотря на схожесть исторических условий развития с Турцией, локальная модель также формировалась как рецепция европейского опыта вследствие вестернизации, ее переосмысление было более значительным. Институциональную конъюнктуру для этого создала Исламская революция (1978–1979), которая привела к абсолютизации религиозного влияния в общественной жизни. В свою очередь, это также наложило значимые ограничения на реализацию «мягкой силы».

В отличие от Турции использование «мягкой силы» в современном Иране еще менее формализовано. Данный концепт, как явление Запада, или его аналоги не встречаются в местном дискурсе. Более того, иным является само понимание границы между «жестким» и «мягким», так как на протяжении долгого времени основным вектором внешней политики служили попытки экспорта исламской революции.

Иран является единственной шиитской страной в мире, где религия оказывает значимое влияние на политический процесс, поэтому основным объектом «мягкой силы» являются не государства, а различные меньшинства — этнические и социальные группы. В их число входят также парамилитарные формирования («Хезболла» и «Ансар Алла»), признанные в ряде государств экстремистскими.

Наиболее классическое «западное» понимание «мягкой силы» прослеживалось в деятельности президента Мохаммада Хатами (каденция 1997–2005 гг.). Выдвинутые им концепции «исламского гражданского общества» и «диалога цивилизаций» предполагали создание позитивного имиджа за счет превращения страны в культурный мост между Западом и Востоком. Основной целью государства объявлялась защита прав и свобод граждан, особое внимание уделялось транзиту технологий и проведению политики мультикультурализма.

Данная политика была свернута его сменщиком Махмудом Ахмадинежадом (каденция 2005–2013 гг.). Поддерживаемый реакционными слоями населения, он добавил множество «жестких» элементов во внешнюю политику Ирана, наиболее значимым из которых стала ядерная программа. Несмотря на конфликтную риторику и резкое падение привлекательности в странах Запада, его правительство продолжило курс на создание целостной системы «мягкой силы» с опорой на культуру. «Несмотря на жесткие позиции по ряду вопросов и революционную

риторику, [важна] именно национально-культурная общность как отправная точка для укрепления связей между государствами региона» [5].

Именно при Ахмадинежаде в 2012 г. был создан фонд «Саади» — международная структура, основной целью которой является продвижение и популяризация изучения фарси. Также именно при нем оформились два основных направления «мягкой силы» Ирана:

- 1) взаимодействие с иранскими этносами и близкими по культуре народностями;
- 2) всесторонняя, в том числе вооруженная, поддержка шиитских образований по всему миру.

Первое направление представлено попытками создания двусторонних связей с персидскими народностями и стремлением к унификации языков на основе иранской нормы. В 1990-е гг. иранское правительство активно подталкивало Таджикистан к дублированию таджикского языка арабской письменностью и его приведению к стандартам фарси. Несмотря на отказ правительства от подобной реформы, следствием этих идей стала дерусификация таджикских фамилий. К другим ираноязычным народам, частично или полностью проживающих за пределами Исламской Республики Иран, относятся курды, заза, осетины, тальши, белуджи, памирцы, говорящие на дари и пушту жители Афганистана и Пакистана.

Второе направление представлено работой по созданию особых связей с проживающими за рубежом шиитами и религиозными группами, приравненными к шиитам фетвами. К ним относятся арабы-шииты Ирака, алавиты в Сирии, «Хезболла» в Ливане, шиитское население Бахрейна, йеменская зейдитская организация «Ансар Алла», афганское формирование «Фатимиюн».

Принципиальный курс на всестороннюю поддержку по двум данным направлениям, вкупе с ориентацией на обретение полноценного национального суверенитета, хоть и негативно отразился на имидже страны в целом, вызывает симпатию среди большого количества населения в исламских странах.

Снизить имиджевые потери старается нынешний президент Хасан Роухани (каденция с 2013 г.). Его курс основан на взвешенной политике, включающей последовательные уступки во внешней политике, компенсируемые активизацией парадипломатии и связями с лояльными Ирану группами в иностранных государствах.

Рассмотренные примеры позволяют выделить особенности рецепции «мягкой силы» азиатскими государствами. Несмотря на локальную специфику, во всех исследуемых странах национальные стратегии «мягкой силы» выстраиваются по аналогии с передовым европейским опытом. Базой для стратегии служит международный институт, поддерживающий культурные и языковые связи. Турция дополняет его воздействие масштабной сетью различных проектов и международных организаций как государственного, так и частного толка. Китай поддерживает деятельность Института Конфуция, Япония — Японского фонда и японских центров. Иран делает акцент на особую роль государства во внешнеполитическом продвижении. Его стратегия основана на поддержании баланса «мягких» и «жестких» методов, в рамках которого последние могут иметь

сравнительно большую привлекательность для жителей мусульманских стран. Вектор стратегий «мягкой силы» исследуемых государств направлен на разные аудитории: в случае Китая это и международная, и внутренняя аудитории; для Японии характерна ориентация на прогрессивные молодежные творческие слои и бизнес; «невидимая сила» Турции направлена на довольно широкую зарубежную аудиторию, а объектом воздействия «мягкой силы» Ирана являются отдельные этнические и социальные группы.

1. Алиева А. И. «Мягкая сила» в современной внешней политике Турции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25 : Международные отношения и мировая политика. 2014. № 3. С. 63–94.
2. Зубков А. И. Мягкая сила Турции: феномен «Soft power» как инструмент культурной дипломатии // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Серия : Политология. 2015. № 2. С. 52–62.
3. Каримова Г. Возможности применения стратегии «мягкой силы» в рамках азиатских цивилизационных пространств [Электронный ресурс]. URL: http://www.cps.uz/rus/analytics/publications/vozmojnosti_primeneniya_strategii_myagkoy_sili_v_ramkax_aziatskix_ivilizaionnix_prostranstv.mgr (дата обращения: 13.02.2013).
4. Королев В. А., Кудрявцева С. С. «Мягкая сила» современной Японии: опыт и направления развития // Вестн. междунар. организаций. 2014. Т. 9, № 2. С. 190–208.
5. Курьяев К. П., Никулин М. А., Гончаров А. А. «Мягкая сила» культурной дипломатии Исламской Республики Иран // Вестн. МГОУ. Сер. : История и политические науки. 2017. № 2. С. 46–55.
6. Най Дж. Мягкая и резкая сила Китая [Электронный ресурс]. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-soft-and-sharp-power-by-joseph-s--nye-2018-01> (дата обращения: 05.03.2018).
7. Путин В. В. Россия и меняющийся мир. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения: 16.12.2018).
8. Рогожина Н. Г. «Мягкая сила» в политике Китая в странах Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. № 34. С. 24–33.
9. Сулейманов Р. Р. «Мягкая сила» Турции в Татарстане: инфраструктура влияния Анкары в регионе в постсоветский период // Человеческий капитал. 2016. № 2. С. 115–117.
10. Табарницца-Романова К. М. Эволюционные изменения концептов: «мягкая сила», культурная политика и внешнеполитический имидж // Дневник АШПИ. 2017. № 33. С. 21–25.
11. Cirlig C. Turkey's regional power aspirations [Electronic resource]. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/bibliotheque/briefing/2013/120425/LDM_BRI\(2013\)120425_REV1_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/bibliotheque/briefing/2013/120425/LDM_BRI(2013)120425_REV1_EN.pdf) (accessed: 01.03.2018).
12. Cool Japan Strategy Public-Private Collaboration Initiative [Electronic resource]. URL: http://www.cao.go.jp/cool_japan/english/pdf/published_document1.pdf (accessed: 21.03.2017).
13. Davutoğlu A. Turkey's foreign policy vision: an assessment of 2007 // Insight Turkey. 2008. Vol. 10, № 1. P. 77–96.
14. Gallarotti G. M., Chatin M. The BRICS and Soft Power-An Introduction // Journal of Political Power. 2016. Vol. 9, Iss. 3. P. 1–35.
15. Huang C. China's soft power in East Asia. A question for status and Influence // The national bureau of Asian research. 2013. 22 p.
16. Lee G. A theory of soft power and Korea's soft power strategy 2012 [Electronic resource]. URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10163270902913962#.U0LvAKh_tyw (accessed: 08.04.2014).
17. Li M. Soft Power. China's Emerging Strategy in International Politics [Electronic resource]. URL: http://alera.info/temp/hti5m03jtj_8559.pdf (accessed: 02.02.2018).
18. McGray D. Japan's Gross National Cool [Electronic resource]. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2002/05/01/japans_gross_national_cool (accessed: 19.01.2017).

19. *Nye J.* Soft power // *Foreign Policy*. 1990. № 80. P. 153–171.
20. *Nye J.* Soft power: the means to success in world politics. Public Affairs, 2004. 191 p.
21. Scholars and Media on China's Cultural Soft Power [Electronic resource]. URL: <https://www.wilsoncenter.org/scholars-and-media-chinas-cultural-soft-power> (accessed: 07.02.2017).
22. Soft power 30 [Electronic resource]. URL: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2017/07/The-Soft-Power-30-Report-2017-Web-1.pdf> (accessed: 16.12.2018).
23. *Yeşiltaş M.* The Transformation of the Geopolitical Vision in Turkish Foreign Policy // *Turkish Studies*. 2013. Vol. 14, Iss. 4. P. 661–687.

Рукопись поступила в редакцию 15 мая 2018 г.

УДК 323.1(450) + 327.7 + 340.12 + 325.254.4

Е. Д. Крапивницкая

СУБСИДИАРНАЯ И ГУМАНИТАРНАЯ ЗАЩИТА ВЫНУЖДЕННЫХ МИГРАНТОВ В ИТАЛИИ

Кризис Дублинской системы показал, что, несмотря на единые общеевропейские стандарты, миграционная политика зачастую выстраивается государствами-участниками самостоятельно. В статье рассматривается современный опыт Итальянской Республики в сфере предоставления международной и гуманитарной защиты в условиях массового наплыва мигрантов. Анализируется итальянское законодательство, направленное на реализацию права на убежище в соответствии с международными и региональными стандартами прав человека. Дается толкование существующих на территории Италии видов защиты вынужденных мигрантов. Особое внимание уделяется анализу оснований предоставления статуса бенефициара субсидиарной защиты, а также подробно исследуются причины оказания гуманитарной защиты в случае отказа в статусе международной защиты. Делается вывод о возрастающем значении защиты прав человека во внешней политике государства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Италия, Европейский союз, права человека, международная защита, убежище, беженцы, субсидиарная защита, гуманитарная защита.

Вопрос вынужденной миграции и предоставления международной защиты на территории Итальянской Республики является особенно актуальным. В силу своего приграничного географического положения в Европейском союзе Италия одной из первых принимает на себя удары миграционных волн. Предоставление убежища на своей территории является ярким подтверждением сформировавшихся традиций толерантности и уважения прав человека и основных свобод [1]. Соблюдение прав человека является также обязательным условием реализации международных обязательств Италии, направленных на обеспечение мира и безопасности. Только в 2017 г. она приняла к рассмотрению около 130 тыс. прошений от искателей убежища [10].

На общеевропейском уровне существует два вида международной защиты — статус беженца и статус бенефициара субсидиарной защиты, которые были